

*Посвящается Жоржу Ромеро и Крису Форресту Ромеро.
И еще — Бергу*

Предисловие автора

Авторами песен, процитированных в этой книге, я указал певцов (или музыкальные ансамбли), которые их исполняли. Это может обидеть пуристов, склонных считать, что текст песни принадлежит его автору, а не исполнителю. «Вы бы еще сказали, что романы Марка Твена написал Хэл Холбрук!» — возмутятся такие пуристы. Я не соглашусь. В мире поп-музыки, как пел Мик Джаггер, «важен певец, а не песня». Но я благодарен всем: и певцам, и авторам песен — особенно Чаку Берри, Брюсу Спрингстину, Брайану Уилсону... и Джану Берри из «Джан энд Дин». Ему-то удалось вернуться с Виража Мертвецов. Получить разрешение на использование текстов песен в книге — непростая задача, и я хочу поблагодарить людей, помогавших мне вспоминать слова и договариваться с правообладателями. Это: Дейв Марш, музыкальный критик и историк рок-музыки; Джеймс Фойри, он же Могучий Джон Маршалл, что отжигает на волне WACZ; его брат Пэт Фойри, который крутит золотое старье на радиостанции Портленда; Дебби Геллер, Патрисия Даннинг и Пит Бэтчелдер. Спасибо, ребята, пусть ваши пластинки никогда не погнутся от времени.

С.К.

Пролог

Может сложиться обманчивое впечатление, что это любовная драма, история любовного треугольника: Арни Каннингема, Ли Кэбот и, разумеется, Кристины. Но надо понимать: Кристина была в этом треугольнике главной. Она стала первой любовью Арни. Первой и единственной, насколько я могу судить с высоты своего огромного жизненного опыта (мне недавно стукнуло аж двадцать два). Поэтому я предпочитаю называть случившееся трагедией.

Мы с Арни выросли в одном квартале и учились в одних и тех же школах, начальной и средней. Думаю, именно благодаря мне Арни тогда не сожрали живьем. В школе я был крупным парнем, капитаном бейсбольной и футбольной команд, да еще неплохим пловцом — отстаивал честь школы на всяких соревнованиях по плаванию. Понятное дело, это теперь никого не интересует: через пять лет после выпускного одноклассники мне даже пива не поставят. Но именно моими стараниями Арни тогда не убили. Его третировали, его унижали, но не убили.

Он был рохля, понимаете? В каждой школе есть хотя бы парочка таких доходяг, это прямо закон. Один парень, одна девчонка. Эдакие козлы отпущения. Все, кому не лень, вымещают на них свою злость. Паршивый день? Завалил контрольную? Повздорил с предками, и тебя заперли на все выходные дома? Не проблема. Просто найди себе какого-нибудь неудачника, крадущегося по школьным коридорам, точно заключенный перед отбоем, и всыпь ему. Иногда этих бедняг в самом деле *убивают*, во всех смыслах, кроме буквального; иногда они

находят способ выжить. У Арни был я. Потом — Кристина. И только потом появилась Ли.

Я просто хотел, чтобы вы это понимали.

Арни родился аутсайдером. Его не любили крутые парни, потому что он был хлюпик: пять футов десять дюймов ростом, сорок фунтов весом, вечно потный да еще в ботинках-дезертах. Его не любили школьные интеллектуалы (сами по себе аутсайдеры в таком городке, как Либертивилль), потому что в нем не было ничего особенного, ничего эдакого. Вообще-то мозгов у Арни хватало, но он никак не мог найти им применение... если не считать автомеханики. По этой части ему не было равных. Арни знал подход к автомобилям — руки у него росли из нужного места. Но родители понять этого не могли: оба преподавали в Университете Хорликса и ни за какие коврижки не отдали бы в техникум сына, набравшего чуть ли не максимальный балл в тесте Стэнфорда — Бине. Арни еще повезло: они хотя бы разрешили ему взять спецкурс по автомеханике. Ну и скандал был... Нарки его тоже не любили: он ничего не употреблял. И мачо в подвернутых джинсах, ценители «Лаки страйка», не жаловали Арни, потому что он не бухал и запросто мог разреветься от пощечины.

Ах да, девчонки тоже над ним потешались. Гормоны устроили настоящую революцию в его организме: Арни с ног до головы был покрыт прыщами. Он умывался по пять раз на дню, принимал душ двадцать пять раз в неделю и перепробовал все существующие кремы и снадобья. Ничего не помогало. Рожа Арни напоминала пищу, и всем было ясно, что от прыщей неминуемо останутся глубокие шрамы и рытвины.

А мне он все равно нравился. У него было необычное чувство юмора и пылкий ум. Именно Арни в детстве показал мне, как построить муравьиную ферму, и мы все лето наблюдали за этими маленькими паршивцами, замороженные их трудолюбием и абсолютной серьезностью. Именно Арни предложил однажды тайком выбраться из дома, набрать лошадиного навоза в конюшне и подложить его под дурацкую пластмассовую лошадь, что стояла на лужайке у местного мотеля. Арни первым освоил шахматы. И покер. Научил меня набирать макси-

мальное количество очков в скрэббл. Дождливými днями я первым делом вспоминал про него (пока не влюбился — если это можно так назвать. Она была из группы поддержки, и я просто шалел от ее тела, но Арни считал, что ума и души в ней столько же, сколько в пластинке Шона Кэссиди. Я не возражал.). Арни всегда знал, чем заняться в плохую погоду. По одному этому признаку легко опознать настоящих одиночек: в дождливый день у них непременно найдется интересное занятие. И к ним всегда можно забежать на часок. Они всегда дома. *Всегда*, черт подери.

Зато я научил его плавать. Мы вместе тренировались, и я заставлял его есть зеленые овощи, чтобы на этих несчастных костяхросло хоть немного мяса. Летом перед последним учебным годом в средней школе Либертивилля я пристроил Арни на дорожные работы, из-за чего нам обоим пришлось поскандалить с его предками: они готовы были устраивать пикеты в поддержку калифорнийских фермеров и каких-нибудь сталеваров, но им внушала ужас мысль о том, что их одаренный сын (получивший едва ли не высший бал за тест Стэнфорда — Бине, помните?) запачкает руки и обгорит на солнце.

Ближе к концу летних каникул Арни увидел Кристину — и влюбился. Мы были вместе в тот день, ехали домой с работы, и я все помню в мельчайших подробностях: если надо, готов подтвердить свои показания на небесном суде. Арни влюбился по уши. Все это было бы смешно, если б не было так грустно — а потом еще и очень страшно. Скверно, одним словом.

Все пошло наперекосяк почти сразу. И очень скоро полетело к чертям.

Часть первая

ДЕННИС — ПЕСЕНКИ О МАШИНАХ

1. Первое свидание

Эй, глянь-ка,
Вон там, у тротуара,
Стоит авто, каких на свете больше нет.
Я все отдал бы за кабриолет!..
Смотри, так и глядит на нас,
Вот это тачка — первый класс!

Эдди Кокран

— О боже! — вдруг завопил мой друг Арни Каннингем.

— Что такое? — спросил я.

Он смотрел назад, вытаращив глаза, разинув рот и выкрутив шею практически на сто восемьдесят градусов, точно она у него была на шарнире.

— Тормози, Деннис! Разворачивайся!

— Да что с то...

— Едем обратно, я хочу еще разок на нее взглянуть.

Внезапно я все понял.

— Да ты чего? Это же...

— Разворачивайся! — Он почти кричал.

Я тормознул, подумав, что Арни меня разыгрывает — он иногда выкидывал такие фокусы. Не тут-то было. Он влюбился, причем по самые уши.

Выглядела она хуже некуда, и я до сих пор не могу взять в толк, что он в ней нашел. Лобовое стекло слева покрывала паутина трещин, сзади на кузове — огромная вмятина с облупившейся краской, вокруг которой расплзлось безобразное пятно ржавчины. Задний бампер свернут к чертовой матери,

крышка багажника открыта, сиденья спереди и сзади кто-то исполосовал ножом. Одно колесо спустило. На остальных резина стерта до корда. Под двигателем — темная лужица масла.

Арни влюбился в «плимут-фьюри» 1958 года выпуска, модель с удлиненным кузовом и большими плавниками. На правой — не разбитой — части лобового стекла висела поблекшая табличка с надписью: «ПРОДАЕТСЯ».

— Только взгляни на ее линии, Деннис! — прошептал Арни.

Он бегал вокруг машины как одержимый, потные волосы развевались на ветру. Он дернул ручку задней двери, и та с пронзительным скрипом отворилась.

— Арни, ты прикалываешься, да? Или у тебя солнечный удар? Умоляю, скажи, что ты просто перегрелся. Я отвезу тебя домой, суну под кондиционер, и мы забудем про это недо-разумение, договорились? — Уже тогда я не очень надеялся его вразумить. Арни обладал отменным чувством юмора, но сейчас на его лице не было ни намек на улыбку — только безумный восторг, который мне сразу не понравился.

Он не удостоил меня ответом. Из открытой двери пахнуло маслом и каким-то жутким гнильем. Этого Арни тоже как будто не заметил. Он забрался внутрь и сел на исполосованное, выцветшее сиденье. Двадцать лет назад оно было красное. Теперь — едва розовое.

Я выдрал из сиденья клочок набивки, рассмотрел и сдул его.

— По этой машине как будто русские прошли. По пути на Берлин.

Арни наконец меня заметил.

— Ну да... да... и что? Я ее почию. Красавица будет! Вот увидишь, Деннис! Произведение искусства!

— Ну-ка, ну-ка! Вы что тут творите, ребятаки?

На нас смотрел старикашка лет семидесяти. Может, немногим моложе. Вид у него был угрюмый и жалкий: волосы — то, что от них осталось, — висели длинными седыми лохмами, на облысевшей макушке цвел псориаз.

На нем были зеленые стариковские штаны и кеды, вместо рубашки или хотя бы майки — какая-то обмотка, смахивающая на женский корсет. Когда он подошел ближе, я разглядел,

что это в самом деле корсет, только не женский, а поддерживающий, для больной спины. Судя по виду, последний раз его меняли примерно тогда, когда умер Линдон Джонсон.

— Чего вам тут надо, а? — надсадным и пронзительным голосом повторил он.

— Сэр, это ваша машина? — спросил Арни. Нашел что спросить. Чья же еще? «Плимут» стоял на заросшей лужайке типового дома послевоенной застройки, из которого к нам вышел старикан. Лужайка была в ужасном состоянии, но по сравнению с «плимутом» прямо-таки цвела и пахла.

— Допустим, что с того?

— Я... — Арни сглотнул. — Я хочу ее купить.

Глаза старикана сверкнули, злобная хмурая мина осветилась изнутри каким-то тайным огнем, а губы исказила плотоядная усмешка, сменившаяся широкой торжествующей улыбкой. В тот самый миг, ручаюсь, в тот самый миг мое нутро свернулось в ледяной узел, и я едва поборол желание дать Арни по башке, вырубить его и утащить прочь. Нет, не радостный огонь в стариковских глазах меня напугал, а то, что *скрывалось* за этим огнем.

— Так бы сразу и сказали! — Старик протянул Арни руку, и тот ее пожал. — Моя фамилия Лебэй. Роланд Д. Лебэй. Военный в отставке.

— Арни Каннингем.

Мне он только махнул: ясное дело, ему нужен был мой приятель, а я ему на фиг не сдался. К чему церемонии, Арни мог бы сразу вручить Лебэю свой бумажник.

— Сколько? — спросил он и тут же добавил: — За такую красавицу никаких денег не жалко.

В душе я даже не вздохнул — застонал. К бумажнику только что присоединилась чековая книжка.

На секунду улыбка Лебэя чуть померкла, а глаза подозрительно сощурились. Он, видно, решил, что его разыгрывают. Внимательно осмотрев восхищенную рожу Арни на предмет злого умысла, он ничего такого не обнаружил и задал абсолютный безупречный вопрос:

— Сынок, у тебя раньше была машина?

— У него «Мустанг-Мач-2», — встрял я. — Предки купили. Коробка «хёрст», наддув, асфальт плавит даже на первой передаче. Зверюга...

— Нет, — тихо произнес Арни. — Я только этой весной права получил.

Лебэй бросил на меня хитрый взгляд, а затем переключил все внимание на главную жертву. Он положил обе руки на поясицу и потянулся. Нас обдало запахом кислого пота.

— В армии мне повредили спину, — сказал старикан. — Инвалидом сделали. От врачей никакого толку. Если кто вас спросит, куда катится наш мир и почему, отвечайте: всему виной врачи, коммуняки и ниггеры-радикалы. Коммуняки — самое большое зло, но врачи от них почти не отстают. А если вас спросят, кто вам это сказал, можете смело назвать мое имя. Роланд Д. Лебэй, так точно, сэр!

Он зачарованно погладил обшарпанный капот «плимута».

— Это моя самая любимая машина, лучше у меня никогда не было. Купил ее в сентябре пятьдесят седьмого. В ту пору новые коллекционные автомобили выходили на рынок в сентябре. Летом производители дразнили народ фотографиями машин под белыми чехлами, так что все с ума сходили от любопытства. Теперь уж не то. — Его голос буквально сочился презрением к нынешним временам. — Она была новая. А пахла как!.. Нет на свете запаха приятнее, чем запах новой машины. — Он задумался. — Ну, после женской киски.

Я посмотрел на Арни, изо всех сил прикусывая себе щеки, чтобы не расхохотаться. Арни бросил на меня все тот же восхищенно-завороженный взгляд. Старикан нас как будто не замечал, он улетел на другую планету.

— Я тридцать четыре года носил хаки, — сообщил нам Лебэй, все еще поглаживая капот машины. — Ушел в армию в тысяча девятьсот двадцать третьем, когда мне было шестнадцать. Жрал пыль в Техасе и гонял вошек размером с лобстеров в борделях Ногалса. Во Вторую мировую я видел солдат, у которых кишки через уши вылезали. Это было во Франции. Ей-богу, через уши. Можешь такое представить, сынок?

— Да, сэр. — Вряд ли Арни вообще слышал околесицу, которую нес Лебэй. Он неловко переминался с ноги на ногу, словно очень хотел в туалет. — Так я насчет машины...

— В университете небось учишься? — вдруг рывкнул Лебэй. — В Хорликсе?

— Нет, сэр, я учусь в средней школе Либертивилля.

— Хорошо, — мрачно ответил старик. — Держись подальше от университетов. Там сплошные ниггеролюбцы, которых хлебом не корми, позволь только отдать кому-нибудь Панамский канал. «Лаборатория идей», ага! Лаборатория мудей, вот они кто.

Он окинул любовным взглядом свою развалюху со спущенным колесом и проржавленной краской, тающей под летним солнцем.

— Спину я повредил в пятьдесят седьмом, — продолжил он. — Армия уже тогда разваливалась на части. Я вовремя свалил. Вернулся в Либертивилль, работал на прокатном стане. Жил в свое удовольствие. А потом пошел в салон Нормана Кобба на Мэйн-стрит — там теперь кегельбан — и заказал вот эту самую машину. Говорю, хочу модель следующего года, да выкрасьте ее в два цвета: красный и белый. Как зверь, что ревет у нее под капотом. Они и выкрасили. Когда я ее получил, на счетчике было всего шесть миль. Ей-богу.

Он сплюнул.

Я украдкой поглядел через плечо Арни на счетчик. Сквозь мутное стекло я разглядел страшные цифры: 97 432 мили. И шесть десятых. Иисус бы заплакал.

— Если вы так любите свою машину, почему продаете?

Он смерил меня мутным и довольно жутким взглядом.

— Ты поумничать пришел, сынок?

Я не ответил, но и глаз не отвел.

Поиграв со мной в гляделки несколько секунд (Арни, ничего не замечая, с любовью поглаживал задние «плавники»), Лебэй наконец выдавил:

— Водить больше не могу. Спина совсем ни к черту стала. Да и глаза тоже.

Тут до меня вроде бы дошло. Судя по датам, которые старик называл, ему сейчас было за семьдесят. А в семьдесят лет все водители обязаны пролевать права и проходить медицин-